



Татьяна Умнова

*Легенды Москвы  
времен оттепели*

Издательство АСТ  
Москва





УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
У52

**Умнова, Т.В.**

У52      Легенды Москвы времен оттепели /Татьяна Умнова. —  
Москва: Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Легенды  
лучших лет).

ISBN 978-5-17-093937-4

В этой книге неформальная история шестидесятых. Трагедия, комедия, фарс, эротика и драма!

СССР времен Никиты Сергеевича Хрущева знаменит не только свержением культа личности, периодом оттепели и выросшими по всей стране «хрущевками» — в первую очередь мы все вспоминаем легендарных «шестидесятников».

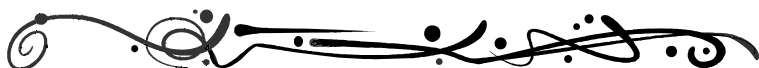
Белла Ахмадулина и Борис Мессерер, Алла Покровская и Олег Ефремов, Лев Ландау, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Василий Аксенов, Владимир Высоцкий — перечислять можно бесконечно... Москва шестидесятых годов — особое явление в нашей культуре, жителей столицы объединяло не только искусство, но и безудержная любовь к жизни, экстравагантное поведение и бесшабашные, выходящие за рамки поступки. Их личная жизнь была даже ярче, чем жизнь общественная и культурная.

Без «шестидесятников» XX век потерял бы половину своего очарования.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-093937-4

© Умнова Т. В., 2011  
© ООО «Издательство АСТ», 2016





# Содержание

|  |     |
|--|-----|
| <b>1. Лев Ландау и Кора Дробанцева:</b><br>«Мой ненаглядный, квантово-механический...» .....                                     | 5   |
| <b>2. Булат Окуджава и Ольга Арцимович:</b><br>«Мы жили долго и умерли в один день» .....  | 55  |
| <b>3. Алла Покровская и Олег Ефремов:</b><br>Барышня и хулиган .....   | 93  |
| <b>4. Римма Казакова и Георгий Радов:</b><br>«Я люблю тебя, а ты такой плохой!» .....  | 125 |
| <b>5. Василий Аксёнов и Майя Кармен:</b><br>Самый главный роман о любви .....  | 157 |
| <b>6. Белла Ахмадулина и Борис Мессерер:</b><br>«Нет воли, нет покоя, а счастье точно есть» .....                                | 185 |
| <b>7. Евгений Евтушенко и Мария Новикова:</b><br>«Последняя попытка стать счастливым» .....                                      | 223 |
| <b>8. Андрей Вознесенский и Зоя Богуславская:</b><br>«Аве, Оза...» .....   | 267 |
| <b>9. Роберт Рождественский и Алла Киреева:</b><br>«Вечная любовь моя» .....   | 307 |
| <b>10. Владимир Высоцкий и Марина Влади:</b><br>«Люблю тебя и в сложных временах —<br>И в будущем, и в прошлом, настоящем» ..... | 339 |
| <b>11. Рудольф Нуреев и Эрик Брун:</b><br>Любовь соперников .....  | 383 |





*Лев Ландау  
и Кора Дробаничева:*

«Мой ненаглядный,  
квантово-механический...»



## *Лев Ландау и Кора Дробанцева*

*Ландау Лев Давидович (9 [22] января 1908 г., Баку, Российская империя — 1 апреля 1968 г., Москва) — гениальный физик-теоретик.*

*Дробанцева Конкордия Терентьевна (1908 [или 1910] г., Харьков — 1984 г., Москва) — по образованию химик, после того как стала гражданской женой Ландау — домохозяйка.*

*Он — абсолютный гений в физике, в повседневной жизни искренний, импульсивный, как подросток, с непревзойдённым чувством юмора. Принципиально исповедовал личную и сексуальную свободу.*

*Она — практичная, хозяйственная; идейная коммунистка, всегда старалась сделать их семейную жизнь с Ландау «правильной».*

*Жили в гражданском браке до 1946 г., зарегистрировали отношения незадолго до рождения сына.*



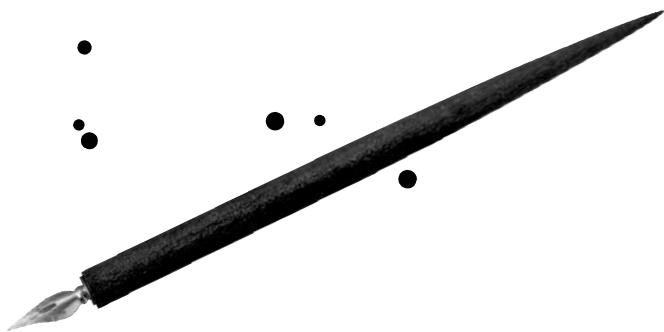
*Сын — Ландау Игорь Львович — родился 14 июля 1946 г.*

*Любили друг друга предположительно до середины 1940-х гг., после чего Ландау начал охладевать к жене и переключился на других женщин. Относительно чувств Конкордии Терентьевны к мужу не всё до конца ясно, её слова и поступки не совсем однозначны. Сама она уверяла, что любила Дау беззаветно всю жизнь. Многие из друзей и знакомых сомневались в этом.*

*Лев Давидович изменял жене неоднократно, но не так часто, как ему хотелось бы. Конкордия Терентьевна или не изменяла вовсе, или делала это с большой неохотой, чтобы порадовать мужа.*

*Были вместе с 1933 г. по 1 апреля 1968 г.*

*Их разлучила смерть Льва Давидовича Ландау.*





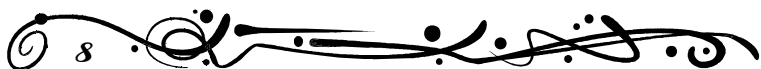
**П**осле смерти Льва Давидовича Ландау его жена Кора начала писать мемуары. Она писала их долго, много лет, заново переживая день за днём всю их нелёгкую совместную жизнь. Её воспоминания — это что-то вроде исповеди, написанной то ли в надежде примириться с действительностью и не сойти с ума, то ли попытка разобраться в себе и понять, чего было больше в её отношении к мужу — восхищения или обиды, преклонения перед его гением или бессильной ярости из-за своего многолетнего унижения.

За эти откровения Кору возненавидела вся Академия наук — коллеги и друзья Ландау были возмущены тем, что она вынесла на всеобщее обозрение свои семейные тайны, показав не в самом лучшем свете не только своего великого мужа, но и людей, бывших с ним рядом. Ей говорили: к Ландау нельзя подходить с обычными мерками. Он гений, и больше ничего не имеет значения.

**Но каково это — быть женой гения?**

### 1

Ландау никогда не обманывал Кору. С самого начала их отношений со свойственной ему железной логикой он заявлял, что считает супружество могилой для страсти. Брак он называл лавочкой мелкой торговли, своеобразным кооперативчиком, который двое открывают для совместного ведения своих скучных бытовых дел, и это не имеет никакого отношения к любви — святой и чистой, искренней только до той поры, пока она свободна от навязанных обязательств.





Кора обижалась на такие высказывания: она-то хотела замуж, хотела гарантий и уверенности в завтрашнем дне, она пыталась протестовать: отказывала Ландау от встреч, не отвечала на его звонки, с расчётом, что он не вынесет разлуки и уступит. Он ведь действительно был безумно влюблён в неё. Да и как не влюбиться? Кора была очень красивой девушкой, все говорили, что, проходи в те годы конкурсы красоты, она заняла бы первое место, если и не во всём мире, то уж в родном Харькове непременно.

Кора привыкла, что мужчины падают к её ногам, и приручить их не составляет большого труда. А этот нелепый учёный ещё и не особенно красив, да и вниманием женским не избалован. Но почему-то его упорства не переломить, и Коре всегда приходится уступать, снова и снова соглашаясь на все его условия, лишь бы только оставаться с ним вместе.



*«Этот нелепый учёный ещё и не особенно красив, да и вниманием женским не избалован. Но почему-то его упорства не переломить.»*

С Ландау невозможно взять и порвать без сожалений, потому что он не такой, как все.

Он необыкновенный, он странный, словно существо с другой планеты.

Он невероятно умный: в двадцать лет объездил всю Европу, почти на равных общался с такими великими людьми, как Вернер Гейзенберг, Вольфганг Паули и Альберт Эйнштейн.

Нильс Бор называет его своим любимым учеником.

В двадцать шесть лет Ландау уже профессор и заведует кафедрой общей физики в университете.

Все говорят, что он совершит переворот в науке.

Все называют его уникальным учёным.

## 2

Лев Давидович Ландау родился 22 января 1908 года в Баку. Отец его, Давид Львович, был главным инженером в нефтеснабжающей компании.



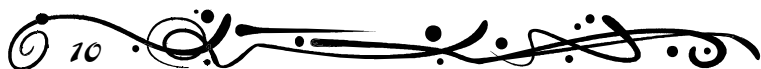


Мать, Любовь Вениаминовна, имела медицинское образование и работала сначала врачом-гинекологом, потом стала преподавать естествознание в старших классах.

Будущие супруги познакомились в столице, в клинике Петербургского университета, где Любовь Гаркави проходила практику. Однажды она принимала роды у дамы, навещать которую приходил любящий старший брат, человек весьма достойный, состоявшийся и не очень молодой, в ту пору ему было почти сорок лет. Семья Давида Львовича уже и не надеялась, что он женится когда-нибудь. Однако произошло чудо, случайное знакомство переросло в сильную привязанность, и очень скоро Давид Львович Ландау предложил руку и сердце Любове Вениаминовне Гаркави. Они поженились в 1905 году и почти тотчас же переехали в Баку.

Ландау считался перспективным и талантливым инженером, и хозяева одного из крупнейших предприятий по добыче нефти «The Black Sea and Caspian Sea Stock Company» пригласили его к себе на работу. Супруги с грустью покидали Санкт-Петербург, но будущее виделось им в весьма радужном свете: Давиду Львовичу была предложена очень хорошая должность, совершенно определённо, в Баку его семья ни в чём не будет знать нужды. Так и получилось — до революции Ландау жили очень обеспеченно, имели большую квартиру в центре города, могли себе позволить дать детям отличное образование. Да и после революции они не бедствовали, хотя их «уплотнили», подселив соседей. А однажды Давид Львович даже был арестован НКВД... Но, к счастью, его быстро выпустили.

Детей у них было двое. Дочка Сонечка родилась 8 августа 1906 года и была очень хорошей девочкой, послушной и старательной, всегда выполняла то, что от неё требовалось, — настоящая отрада для родителей. С Лёвой оказалось сложнее, он никогда не желал делать то, что ему неинтересно, ни заставить, ни уговорить его было невозможно. А интересовался он одной только арифметикой, задания по остальным предметам выполнял наскоро, лишь бы отделаться, или не выполняя вовсе. Даже на улице вместо игр Лёвинька прутиком чертил в пыли





цифры. Это было похоже на одержимость и весьма тревожило Любовь Вениаминовну, но найти для ребёнка более интересное занятие она не смогла. Пробовала учить его музыке, но играть на рояле мальчик отказался наотрез, заявив, что это слишком скучно. И как же быть с гармоничным развитием?



*Он никогда не желал делать то, что ему неинтересно, ни заставить, ни уговорить его было невозможно. А интересовался он одной только арифметикой.*

Отец пытался быть с Лёвой строгим, старался убедить его, что в жизни приходится делать не только то, что хочется, но и то, что надо, сын слушал его и молчал, и — оставался при своём. Давид Львович выходил из себя, Лёвинька бледнел, стискивал зубы и смотрел на отца ненавидящими глазами. Ничего хорошего из этого получиться не могло, и в процесс воспитания вмешивалась Любовь Вениаминовна. «Что же делать? — вздыхала она. — Лёвинька трудный ребёнок. К нему нужен особый подход». Пусть занимается своей математикой, раз уж это так ему интересно...

В гимназии «особым подходом» никто не утруждался.

Юный Ландау был первым учеником в точных науках, хорошо успевал по иностранным языкам, но постоянно конфликтовал с преподавателем словесности. Учитель невзлюбил его с первого взгляда — с первого взгляда в его тетрадь.

Вот как пишет об этом биограф Ландау Майя Бессараб:

«— Такого почерка я никогда не видывал! — гремел с кафедры учитель. — Да у меня, батенька мой, глаза на лоб полезут, если я стану разбирать такие почерки. Ясно?

— Ясно.

— Что вам ясно?

— Что писаря из меня не получится.

— Боюсь, что из вас вообще ничего не получится. Извольте менять почерк, я не могу понять эти убогие каракули.

С годами конфликт обострялся. Лев любил читать Гоголя, Пушкина, Некрасова, Лермонтова, а сочинения ненавидел всей





душой. Как-то учитель прислал письмо Давиду Львовичу. Пока отец читал письмо, сын тоскливо слонялся по коридору. Вот, получил единицу за сочинение о Евгении Онегине. А за что? Ни одной ошибки. Всё сочинение — одна строчка: “Татьяна была довольно скучная особа”. Коротко и ёмко. Главное — вполне отражает суть. Сейчас папа дочитает письмо от учителя, позовёт в кабинет и заведёт один из бесконечных нудных разговоров.

— Лев! Войди! Неужели ты не в состоянии получить приличной отметки по такому лёгкому предмету, как словесность?

— Есть предметы, по которым стыдно получать оценку выше тройки.

— Стыдно или не стыдно, меня не интересует. Я требую, чтобы словесность у тебя шла отлично. И пиши поаккуратней, круглыми буквами, с наклоном.

— Это насилие, папа. А всякое насилие мерзко, грубо и недостойно человека.

— Ну, со мной ты этот тон оставь. Имей в виду, завтра тебя спросят на уроке словесности. Готовься!

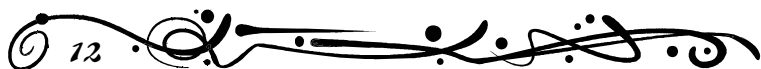
Первый урок — словесность. Лермонтов. Если бы учитель знал, что он почти все стихи Лермонтова наизусть помнит, и даже прозу. Да разве со словесником можно говорить всерьёз!

— Ландау! Скажите, о чём думал Лермонтов, когда писал “Героя нашего времени”?

— На этот вопрос мог бы ответить только один человек. Михаил Юрьевич Лермонтов.

— Садитесь. Единица! Как жаль, что у такого почтенного человека, как Давид Львович Ландау, такой неудачный сын!»

Несмотря на не особенно выдающиеся успехи в словесности, Лёва закончил гимназию в двенадцать лет, блестяще сдав выпускные экзамены. В университет в таком возрасте не брали, и перед родителями «трудного ребёнка» встала проблема — что с ним делать дальше? Болтаться без дела не годится, мальчик разленится, загубит способности, и ничего толкового из него не выйдет. Давид Львович очень боялся этого, часто твердил сыну о том, что он погубит себя бездельем, и рисовал столь ужасные картины его будущего, что Лёва даже задумался





о самоубийстве. Он медлил только потому, что не мог выбрать способ, каким лучше свести счёты с жизнью.



*Знал он гораздо больше, чем требовалось для поступления, по крайней мере, что касалось математики. К тринадцати годам он уже умел дифференцировать и интегрировать — сам научился. Только с геометрией было хуже — заниматься ею было неинтересно, слишком уж примитивной эта наука казалась юному гению.*

К счастью, родители вовремя придумали, где он сможет продолжить обучение: Лёву вместе со старшей сестрой решили определить в коммерческое училище, в предпоследний класс. Подготовка к экзаменам на какое-то время заняла мальчика, хотя знал он гораздо больше, чем требовалось для поступления, по крайней мере, что касалось математики. К тринадцати годам он уже умел дифференцировать и интегрировать — сам научился. Только с геометрией было хуже — заниматься ею было неинтересно, слишком уж примитивной эта наука казалась юному гению. Впрочем, вечером накануне экзамена Лёва просто прочитал учебник от корки до корки и прекрасно сдал этот предмет.

### 3

В коммерческом училище Ландау впервые пришлось столкнуться с тем, что он самый младший ученик в классе, на него смотрели с удивлением и насмешкой, впрочем, недолго, мальчик быстро сумел добиться уважения, буквально после первого же урока математики, когда быстрее всех решил задачи не только своего, но и другого варианта.

В 1922 году Ландау окончил училище с самыми лучшими оценками и поступил в Бакинский университет, сразу на два факультета — физико-математический и химический, в то время так было можно.

Ему было всего четырнадцать лет, и в университете над странным ребёнком тоже посмеивались до поры, пока не оценили его способностей.





*Он самый младший ученик в классе, на него смотрели с удивлением и насмешкой, впрочем, недолго, мальчик быстро сумел добиться уважения, буквально после первого же урока математики.*

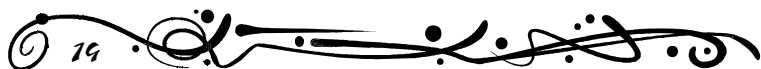
«Однажды на лекции по математике Лев задал профессору вопрос, — пишет Майя Бессараб. — Профессор долго думал, прежде чем ответить. В аудитории стало очень тихо. Профессор попросил Льва подойти к доске. Вмиг доска покрылась математическими знаками. “Китайская грамота”, — прошептал кто-то. Профессор и Ландау начали спорить. Студенты догадывались: прав Ландау! Лицо у Льва было серьёзное и сосредоточенное, у профессора — взволнованное и немного обескураженное. Потом профессор улыбнулся и, наклонив голову, сказал:

— Поздравляю, молодой человек. Вы нашли оригинальное решение».

Ландау уважали, им даже восхищались, но друзей у него конечно же не было. Кто из взрослых парней станет дружить с мальчишкой, который младше на три или даже на четыре года? Лёва старался казаться старше, сутулился и делал серьёзное выражение лица, но со стороны это выглядело только смешным. Товарищи по факультету — на втором году обучения Ландау окончательно определился в своих предпочтениях и выбрал физику — частенько просили его о помощи в решении трудных задач, но в свою компанию не приглашали. Лёва чувствовал себя одиноким. От природы застенчивый, он становился всё более замкнутым, отрадой для него были только книги.

В то время любимым чтивом Ландау был роман «Красное и чёрное» Стендаля, на примере Жюльена Сореля мальчик старался себя убедить, что для человека нет ничего невозможного, главное — по-настоящему захотеть!

Старшая сестра уехала учиться в Ленинград, и Лёва стал просить родителей позволить и ему перевестись в Ленин-





градский университет, уверяя их, что там сможет получить более серьёзное образование. В самом деле, в то время бывшая столица Российской империи по праву считалась научной столицей молодого Советского государства, там преподавали талантливейшие физики страны, у которых было чему поучиться, — А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественский, Д.А. Рожанский. Бакинский университет, конечно, сильно проигрывал в этом плане. К тому же и Сонечка, и сестра Давида Львовича, приютившая у себя племянницу, настойчиво приглашали Лёву в Ленинград, обещая приглядывать за ним и заботиться, чтобы он ни в чём не нуждался. Любовь Вениаминовна долго не могла решиться отпустить ребёнка одного за тридевять земель, но в конце концов она уступила его просьбам — мальчик с такими способностями должен учиться в лучшем учебном заведении страны. К тому же после окончания второго курса Бакинского университета ему уже исполнилось шестнадцать, почти совсем взрослый.



*На примере Жюльена Сореля мальчик старался себя убедить, что для человека нет ничего невозможного, главное — по-настоящему захотеть!*



Ленинград — прекрасен. Лёве нравится здесь всё, он верит, что в этом городе сможет начать новую жизнь, стать другим, теперь он свободный взрослый человек, совершенно самостоятельный, никто не будет его контролировать и читать нотаций.

Университет Ландау посещает два раза в неделю — ходит только на лекции Рождественского, который иначе просто не принимает экзаменов. Но он много занимается дома, гораздо больше, чем раньше, часов по восемнадцать в сутки, устаёт так, что потом не может заснуть. А если засыпает, то видит во сне бесконечные формулы. Мамы рядом нет, никто не отправит его спать вовремя, никто не будет твердить, что лёжа читать вредно. А что же делать, если сидеть за столом по десять—две-

